

Тягун Р.В.
80-лет со дня рождения

13/11/88

Он любит смеяться и любит смеяться. Он пропитан артистизмом, но совершенно лишен «актерства». В нем нет ни на гран каботинства или самолюбования. Он профессионал без срывов. Его вдохновение подчиняется ему — редчайшее качество. Как не каждый режиссер рожден быть главным режиссером, так не каждый актер рожден играть главные роли. Тут нужна особая надежность, умение «держат» на себе спектакль. Он обладает этим умением в полную меру. Он обожает грим, обожает изменять свое лицо, походку, фигуру. Современный театр, который все чаще лишает артиста этого удовольствия, не мешает ему и без всяких накладок играть не просто «от себя», но выявить характерные, индивидуальные черты персонажа. По собственному глубинному ощущению он комик. По амплуа, на которое его тянут (кстати, самое трудное и ответственное в театре амплуа), — резонер. Блистатель в ролях простаков. Драматические роли все открыты ему (одно условие — если они не вовсе лишены юмора). Трагедия... Нет, там юмора нет, это его не привлекает. Во всех этих качествах — со своим лицом или измененным, смешной или жалкий, отрицательный или положительный, благородный или жуликоватый, покоряющий душевностью и умом или невыносимо наивный — всегда он изливает человеческое обаяние.

Руководство Театра имени Моссовета предложило мне поставить спектакль для Плятта к его семидесятилетию. Мы договорились и расстались на два месяца с обещанием искать пьесу. Я стал думать о Плятте. Очень трудно выбирать из бескрайнего множества. Мне казалось, что для него годится все: и салонная комедия, и Ибсен, и Гауптман, и Леонид Андреев, и Афиногенов. В чем блеснуть актеру, чтобы использовать лучшее из арсенала своих средств и вместе с тем не повториться? Когда мы снова встретились и я предложил свои варианты, выяснилось, что у театра есть контрпредложение. Вместе с Пляттом мы поехали к драматургу С. И. Алешину, и я тут же прочел его новую пьесу «Журавль в небе». Это была эпистолярная история о любви трех актеров. С Пляттом совпадал возраст главного героя и то амплуа (назовем его «профессор»), в котором актер не раз и с большим успехом выступал на сцене и на экране. Пьеса была культурная, чувствительная, с крепким сюжетом. Но достаточно ли этого? Для меня и, мне казалось, для Плятта в ней не доставало юмора, остроты, резкости. Однако мнение Ростислава Яновича я уже знал: оно было положительным. И вот два почтенных, высокопризнанных человека ждут моего слова. Решение надо было принимать немедленно.

Я сказал «да». В воображении возник неожиданный вариант. Пьеса написана «свободно» — действие охватывает год жизни, и время то течет вперед, то возвращается вспять, эпизоды чередуются, подчиняясь ходу мысли главного героя. А что, если герой пьесы будет не семидесятилетним адвокатом, а семидесятилетним актером, играющим адвоката? Он будет в чем-то совпадать со своим персонажем, а в чем-то нет, и тогда его актерская память вызовет к жизни на сцене другие образы, резко контрастные. Пусть это будут отрывки из ярких классических произведений. А потом опять потечет жизнь современного юриста. Тогда Плятт мог бы в одном спектакле сыграть пять-шесть ролей самых разных, и то множество, которое ему доступно, войдет в рамки одного спектакля.

Пришло лето. Теперь уже с определенной целью я вырезал, выкраивал из классики все, что интересно сыграть Плятту. В результате остановился на Боккаччо (фарс), Гауптмане (драма), Ростане (романтическая комедия). У Алешина была сцена с цитированием пушкинских стихов. Я увеличил ее: теперь Пушкина не цитировали, а читали целиком пять стихотворений. И, наконец, был придуман молчаливый пролог, когда актер «входит» в роль адвоката, и соответствующий ему эпилог.

Незадолго до этого Плятта постигло большое горе. Психологически он был в тяжелом состоянии. Сперва он отшатнулся от моих «фарсовых» предложений — не ко времени. Но я настаивал, говорил: только в контрасте он сможет выявить не театральный, а человеческий драматизм своей главной роли. Двухчасовой

спор в моем гостиничном номере завершился согласием.

Впоследствии я узнал, что значит согласие и рукопожатие Плятта. Это значит — верность своему обещанию в самых сложных, щекотливых, самых непредвиденных обстоятельствах. Это значит надежность и чувство локтя на любых крутых поворотах.

Репетиции начались в Ереване во время гастролей. Женскую роль, вернее, все женские роли я пригласил, вернее, уговорил исполнить Маргариту Терехову.

И Плятт, и Терехова были довольно сильно заняты в репертуаре. Я же впервые в жизни узнал, что такое свободные вечера — подряд и много. Впрочем, работа над пьесой продолжалась каждый день. И целый день. Утром мы репетировали. А после я заново компоновал эпизоды пьесы и классические вставки, менял их размер. Иногда перемены текста бывали очень существенными. Перепечатыв на машинке новый вариант сцены, я шел к Плятту и вручал ему два-три листа пе-

из-за рояля и пачек книг, лежащих друг на друге, — хохот Плятта: «Идите сюда, посмотрите, я сломал руку».

Все рухнуло: юбилей, сроки, спектакль Плятт хохотал. И в этом была вовсе не истерика и не смех сквозь слезы. Это был смех человека, который умеет на свои беды посмотреть со стороны как на пьесу или забавную кинокомедию. После долгих мытарств спектакль был с успехом сыгран в конце апреля. Он назывался «Тема с вариациями». А тогда, в день своего семидесятилетия, Плятт с рукой на перевязи сидел в одиннадцать вечера в зрительном зале и с наслаждением смотрел «капустник» с веселыми песенками и пародиями и, казалось, искренне не замечал, что это замена торжественного вечера с премьерой, приветствиями и наградами.

Плятт никогда не был депутатом, но добровольно, по зову сердца вот уже много лет он возложил на себя именно депутатские обязанности. К нему идут с бедами, с просьбами. И он, используя свой вы-

Колл. Правда. - 1988. — ЮБИЛЕИ

13дек Артист

Сегодня, когда Ростиславу Яновичу ПЛЯТТУ исполняется 80 лет, мы публикуем фрагменты новой книги Сергея ЮРСКОГО, которая готовится к печати.

ределок. Почти ежедневно. Ростислав Янович пробегал текст мелком и говорил свое всегдашнее: «Бу сделано».

В перерывах Плятт деликатно, но весьма откровенно высказывает свои сомнения, и возражения, и несогласия. Но вот началась репетиция, и на это время — полная сосредоточенность на том, что предлагается в данный момент. «Понял». Задумался, утвердительно показывает головой, взгляд вбок, раздумье, примерка на себя предложенного действия, потом смотрит прямо мне в глаза: «Понял! Попробую». Я уже знаю: за эти секунды уже пришло внутреннее актерское решение в ответ на режиссерское предложение. Может быть, потом, сегодня же, мы вместе откажемся от такого решения, но когда идет проба — никакой критики, серьезное зондирование предложенного хода и того, чем откликается актерский организм.

При изменениях текста, при поисках компоновки эпизодов прямо на площадке, начав с нуля, мы там же, в Ереване, на четырнадцатой репетиции показали руководству полтора-часовой первый акт наизусть и в движении. И уже не только наметались, но были сыграны Пляттом три роли: адвокат Дмитрий Николаевич, фарсовый веселый рогоносец Маццео дельла Монтанья из «Декамерона» и тайный советник Клауден из гауптмановского «Перед заходом солнца».

А дальше, как это часто бывает в театре, все пошло кувырком. Автор категорически не принял моих вставок (а они занимали более тридцати минут времени в спектакле). Изготовление декораций затягивалось. Все строение разваливалось на куски. В один из отчаянных дней я позвонил Плятту, чтобы ободрить его и чтобы от разговора с ним набраться хоть какой-то бодрости. В трубке раздался хохот. Потом, с трудом сдерживая смех, Плятт сказал, чтобы я немедленно приехал к нему.

Бочка с олифой на лестнице, подтеки известки и белил в передней. Свернутые ковры стоят колоннами, зажатые между столом и шкафом. Ободранные обои. Запах лака. Мебель со всей квартиры нагромождена в одной комнате. И в этом лабиринте откуда-то

сокий авторитет, направляется во все инстанции и просит, и объясняет, и уговаривает, восстанавливает законность. Скольким людям удалось ему помочь. Его блестящее ораторское искусство легко вспыхивает в защиту других. Никогда — в собственную защиту. Это очень благородно, но жалко.

Ростислав Янович не умеет отстаивать свои интересы и тем часто наносит себе творческий ущерб. А ущерб такого актера — потеря для всех.

Несколько раз на моей памяти находилась пьеса и роль, которую по всем статьям надо было играть ему. Возникали знакомые сомнения: как отнесутся «наверху», не проглянут ли аллюзии. И проглядывали, даже если их вовсе не было. И в других случаях проглядывали, потому что пьеса именно тем и нравилась, что касалась насущных проблем нашей жизни. Хоть косвенно, но касалась. Начальство говорило с задумчивой угрозой: «Странно, что вам это нравится. Это вещь не наша. Ненужная сейчас вещь. Пожалуй, даже вредная».

Вот тут-то и выложить бы Плятту весь свой авторитет и громыхнуть ораторским талантом. Нет. Стоп. Дело касалось его, и он отмалчивался.

Может быть, просто страшно было возражать? Но ведь не пугался он вступать на защиту других.

А вот за себя — нет! Молчание. Еще раз говорю, не восхищение, а упрек вызывает у меня это молчание. «Я как солдат», — говорит нередко Плятт. И это действительно его самоощущение. Безмерное уважение вызывает его способность наступить на собственные интересы во имя интересов театра: сыграть совсем больным и раз и много раз — нельзя сорвать спектакль, нежелательна замена другим названием, согласиться на неинтересную роль и тем способствовать постановке неинтересной пьесы: требуют, значит, необходимо, значит, так лучше театру. Да, он, как солдат. Но по нашему, актерскому, да и гражданскому, счету он давно уже генерал. И, конечно, должен решать стратегические задачи. Каким благом было бы большее его влияние на дела театра и на всю театральную жизнь.

Я смотрю фильм М. Хуциева «Послесловие». Здесь одна из самых душевных и мастерских работ Плятта. Сложное сочетание чудаковатости, почти детской наивности с твердым, сложившимся кодексом морали, с неизбежностью убеждений. Это человек особенный. Я бы сказал, завершающий в своей подвижности, в абсолютной открытости явлениям мира. Я смотрю фильм и думаю о том, что Плятт при всей распахнутости его глаз, из которых светится душа, загадочен. Обаяние, веселье, деликатность, а под ним нечто таинственное, что управляет громадным и непредсказуемым талантом этого человека.